

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красновардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОФОРМЛЕНИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА

Анализируются различные аспекты организации пространства в виде сакрально отмеченных его точек — священных мест. Именно в этих точках: пещерах, гротах, под навесами, на вершинах гор, скал, холмов, шиханах, каменистых мысах и т.п. — и располагались древние святилища. В каждом сакральном пространстве в зависимости от его размеров мог быть один или несколько сакральных центров. Самым ранним объектом сакрализованного пространства являлась пещера. В палеолите пещерные святилища представлены двумя основными типами: пещерами с рисунками и пещерами, в которых центральной частью культового комплекса являлись демонстрационные комплексы в виде выставленных черелов животных. Также в каменном веке у населения Урала и Сибири зарождается почитание гор, скал, шиханов, холмов, высоких мысов. Часто маркерами границы сакрального пространства являлись погребения и клады. Иногда выделяющиеся элементы ландшафта — скалы — оформлялись нанесением на них рисованных изображений. В сакральную практику местного населения включались и отдельные водные объекты — озера и болота. Это доказывается находками на дне озер и торфяников древних кладов, предметов бронзового и костяного вооружения, целых сосудов, а также большого числа костей и тел человека. Сакральное пространство святилищ или поселений иногда освящалось охрой или россыпью кальцинированных человеческих костей. Исследование древних святилищ показывает, что именно на границе сакрального пространства можно ожидать самых неожиданных, неординарных и информативных находок.

Ключевые слова: Урал, сакральное пространство, пещеры, горы, культовые маркеры, символическая граница.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-036-045

С глубокой древности человек жил и развивался в природном окружении. Поскольку основным способом осмысления мира в древности являлся миф, уже в верхнем палеолите, осваивая новые пространства, человек создавал и пространство мифологическое. Освоенное пространство сразу же сакрализовалось и приобретало определенную структуру. Взаимодействуя с окружающей его природой, первобытный человек пытался отобразить природное окружение в виде определенной суммы представлений о нем. В результате такого отображения создавалась мифопоэтическая модель мира. Назначение модели мира — выявлять и описывать космологизированный образ жизни, а также основные параметры вселенной. В данном случае нас интересуют пространственные параметры, т.е. организация пространства в виде сакрально отмеченных его точек — священных мест.

Осваивая новое пространство, человек прежде всего устанавливал новые границы, отделяющие освоенный мир от чужого, неосвоенного. В мифопоэтической традиции эта задача решалась путем обхода территории по периметру, созданием одного или нескольких основных центров, а также освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства [Байбурин, 1989, с. 82–86]. Именно в этих сакрально отмеченных точках и располагались различные типы культовых памятников.

Культовые памятники Урала отличаются большим разнообразием. К ним относятся святилища в пещерах, на вершинах гор, скалах и шиханах. Особо следует выделить скалы с писаницами (наскальными изображениями) и жертвенными остатками под ними. Данные культовые памятники входят в категорию археологических памятников. Они стоят в одном ряду с поселениями, стоянками, мастерскими, могильниками и т.д. Кроме них существовали и культовые объекты в виде культовых «амбарчиков», культовых площадок, священных озер. Известны также культовые комплексы и даже культовые артефакты (например, идолы), которые могут быть

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

на любом археологическом памятнике. Каждый культовый памятник, объект, артефакт обладает сакральным пространством. Сакральное пространство — это понятие совсем другого плана. Оно практически неосознано, его границы за редким исключением трудноуловимы. Тем не менее любое сакральное пространство всегда имеет определенные границы. Границы бывают естественными и искусственными. Естественные границы имеет сакральное пространство в пещерах, на вершинах возвышенностей и в акваториях озер. В тех случаях, когда сакральное пространство не ограничено природными (естественными) рамками, границы его определить значительно сложнее.

Возможно, сакральное пространство следует поставить в один ряд с охотничьей территорией, зоной хозяйственного освоения и т.п.

В каждом сакральном пространстве в зависимости от его размеров мог быть один или несколько сакральных центров. Например, в столбовой ямке под скалой Камня Дыроватого мог находиться идол. На Островке в болоте в центре находилось сооружение из трех поставленных на ребро плит с очагом между плитами. На Шайтанском шихане сакральным центром была 4-метровая гранитная плита с вышлифованными чашевидными углублениями — своеобразный жертвенник. На Острове Веры таких центров могло быть несколько — жертвенная плита, менгиры [Григорьев, Меньшенин, 2004, с. 209–213]. Определить специфику сакрального пространства, наличие одного или нескольких центров, функциональное назначение различных его участков, а также местонахождение ограничивающих его культовых маркеров можно только при полном (или почти полном) его изучении раскопками. К сожалению, такие всесторонние и полноценные исследования культовых памятников проводятся очень редко.

В некоторых случаях фиксируется освящение сакрального пространства, например, охрой разных оттенков (Чепкуль-21) [Усачева, 2009, с. 106–108]. На трех шиханах Шайтанского озера (Шайтанском, Среднем и Южном) сакральное пространство было отмечено россыпью кальцинированных человеческих костей мужчины, женщины и ребенка (ранний железный век) [Серигов, 2013, с. 128, 146, 151–152].

На территории Урала известны культовые памятники всех эпох от позднего палеолита до средневековья. Самым ранним объектом сакрализованного пространства являлась пещера (грот, навес). Современные материалы показывают, что освоение уральских пещер относится к периоду 34–33 тыс. лет назад. С появлением на Урале постоянного населения (19–12 тыс. лет назад) пещеры становятся центрами ритуально-символической деятельности палеолитического человека. Особенно это характерно для пещер, функционировавших 14–12 тыс. лет назад.

К настоящему времени пещерные святилища эпохи палеолита представлены двумя основными типами: пещерами с росписями (Капова, Игнatieвская, 2-я Серпиевская — Южный Урал) и пещерами, в которых центральной частью культового комплекса являлись демонстрационные комплексы в виде выставленных черепов животных (медведя, пещерного льва, лошади). Такие демонстрационные комплексы выявлены в пещерах Заповедная, Сикияз-Тамак I (Южный Урал), Кумышанская, Тайн, Малютка (Средний Урал) [Серигов, 2007b, с. 7–17].

Следует подчеркнуть, что даже внутри двух типов святилищ оформление сакрального пространства сильно различается. А это свидетельствует о ярко выраженной индивидуальности ритуалов и обрядов, проводившихся в святилищах. Многогранность и разнообразие ритуальной практики палеолитического населения Урала подтверждают и менее выразительные культовые комплексы, выявленные в целом ряде пещер (Медвежья и Уньинская на Северном Урале, Котел, Безымянный, Усть-Койвинская на Среднем Урале).

Очень интересна точка зрения Т.Н. Дмитриевой, которая считает, что в эпоху палеолита пещера должна была оказывать на людей огромное эмоциональное воздействие. Даже современный человек при всех своих знаниях испытывает особые чувства при посещении пещер. Из этого Т.Н. Дмитриева делает предположение, что первичным было посещение пещеры как места чрезвычайно священного. Рисунки же в пещере — вторичны, они только оформляли священное место. Доказательством этой гипотезы могли бы служить более ранние по сравнению с возрастом рисунков даты следов посещений пещеры, а также находки культового характера в пещерах без рисунков [Дмитриева, 1997, с. 60].

Каждая пещера ограничена своими размерами. Вход в пещеру — наиболее уязвимое место в сакральном пространстве, поэтому он блокировался различными сакральными ценностями. Нередко такими культовыми маркерами являлись погребения. Погребения различных эпох обнаружены в целом ряде пещер и гротов Южного и Среднего Урала: Бурановская пещера, Бур-

мантовский грот, грот в Камне Дождевом, грот Жилище Сокола, грот Каменное Кольцо, Кульметовский грот, Кумышанская пещера, навес Старичный Гребень, Усть-Катавская II пещера [Сериков, 2005, с. 329–332]. Сюда же можно добавить захоронение двух человеческих черепов позднего бронзового века в Купольном зале Каповой пещеры [Котов, 2016, с. 43].

Но когда сакральных комплексов нет, определить характер использования пещер сложно из-за преобладания традиционного взгляда на пещеры как на убежища и кратковременные стоянки. Проблема состоит в том, что культовый характер комплексов определяется по наличию в них прежде всего изделий неутилитарного назначения — произведений искусства и украшений. Но мы часто забываем, что «любую вещь можно использовать и как собственно вещь и как знак, символ» [Байбурин, 1983, с. 8]. Превращение вещи в знак происходит при попадании ее в сакрализованное пространство. Однако предметов неутилитарного характера и на явно культовых памятниках и объектах очень немного. И сакральность комплексов отражалась в обычных изделиях производственно-бытового назначения. Именно поэтому вопрос о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов приобретает особую актуальность [Сериков, 2008, с. 302–306].

Когда мы находим скребки или пряслица на вершинах гор, где люди определенно не жили, мы не считаем, что они там обрабатывали шкуры и занимались ткачеством. Нет. Скребки являлись кресальными кремнями и были знаками огня. А пряслица в контексте святилища воспринимались как солярные знаки.

Раскопки в Каповой пещере под палеолитическими рисунками в зале Знаков, в 200 м от входа, выявили около 240 находок. Поскольку они обнаружены непосредственно под рисунками, да еще в 200 м от входа на среднем ярусе пещеры, сомневаться в их сакральном предназначении не приходится. Но как раз в данном случае мы и встречаемся с первым парадоксом. Если найденные под рисунками бусины, подвески, костяные изделия, кусочки охры и глиняная жировая лампа не вызывают сомнений в их культовом назначении, то присутствие в этом комплексе 196 изделий из камня, значительную часть которых составляют невзрачные мелкие отщепы (53 экз.) и чешуйки (67 экз.), не может не вызывать удивления. К тому же трасологический анализ комплекса показал, что большая часть сколов использовалась в работе [Щелинский, 2016, с. 30–37]. Вот здесь и возникает вопрос: а каково, собственно, сакральное назначение обычных отщепов и чешуек в древнем ритуале? Если бы этот комплекс был обнаружен не в глубине пещеры под рисунками, а у ее входа, любой исследователь определил бы его как свидетельство проживания в пещере. Но, тем не менее, этот комплекс является культовым [Сериков, 2007а, с. 128–132].

Естественные границы имеет и сакральное пространство на вершинах гор скал, холмов, шиханов, каменистых мысах, островах. Многие исследователи культовых памятников отмечают, что с глубоких времен возвышенные места обладали сакральным наполнением. Именно поэтому горы часто являлись местом поклонения местных жителей. Почитание гор, скал, шиханов, холмов, высоких мысов и т.п. у населения Урала и Сибири зарождается в каменном веке и сохраняется вплоть до XX в., о чем свидетельствуют многочисленные исследования этнографов и археологов [Малахов, 1908, с. 13; Кызласов, 1988, с. 144–154; Тиваненко, 1989, с. 16, 167; Викторова, 2004, с. 174–191; Сериков, 2013, с. 122–160]. При отсутствии возвышенных мест святилища устраивались на возвышающихся над окружающей местностью городищах.

Все культовые памятники на вершинах гор и скал вытянулись цепочкой вдоль восточного склона Среднего Урала с юга на север. Основная их часть расположена в полосе предгорий. Условно можно выделить четыре района их расположения. Крайними южными являются памятники, расположенные в районе г. Полевского (горы Азов, Думная, Караульная). Немного севернее находится Екатеринбургская группа памятников (Шабровские и Шарташские каменные палатки, горы Матаиха, Петрогром, Чертово городище, мыс Еловый и др.). Довольно близко к ним примыкает группа памятников, расположенных в верховьях р. Нейвы (Нейвинская) (Вороний Камень, скалы Три Сестры, горы Скворцовская, Лубная). Крайняя северная группа памятников сконцентрирована вокруг г. Нижнего Тагила (Гольий Камень, горы Деляночная, Елевая, Лисья, Медведь-Камень, горы Пихтовая, Синяя и др.) [Мищенко, 2001]. Исследования последних лет привели к открытию святилищ на вершинах гор и на территории Южного Урала (горы Чека, Лысая и др.) [Дюрягин, 2009].

Интересно отметить, что святилища располагались далеко не на каждой горе. Причины выбора той или иной вершины горы или скалы под святилище еще предстоит определить. Но нет сомнения, что этот выбор основывался на особенностях топографии гор и скал. Например, с вер-

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

шины г. Азов открывается замечательный вид на цепочку гор, на которых зафиксированы следы выплавки металла. По всей видимости, предпочтению отдавалось тем горам, которые по природным особенностям можно считать семантической доминантой окружающего ландшафта. Такой принцип выбора зафиксирован А.И. Готлибом при анализе феномена сибирских «све» — крепостных культовых сооружений на вершинах гор. Интересен и его взгляд на семантику подобных памятников. По его мнению, они отображали процесс структурированного ритуального восхождения, которое символизировало овладение пространством [Готлиб, 2004, с. 92–95].

Обычно естественным центром сакрализованного пространства на вершинах гор являлось выступающее над вершиной скальное образование, которое на Урале называют шиханом. Границы сакрального пространства совпадают с границами шихана. Тем не менее на этих естественных границах могут присутствовать культовые маркеры, которые обнаруживаются только при полном исследовании сакрального пространства памятника (что бывает крайне редко) или благодаря какой-то случайности.

При исследовании шихана на г. Голый Камень (а он исследован полностью) у его подножья с северо-восточной стороны были найдены пять стоящих рядом средневековых сосудов петрогромской культуры, а с противоположной стороны — юго-западной — еще один. На Шайтанском шихане Шайтанского озера граница энеолитического времени была обозначена захоронением человеческого черепа у его подножья. А сакральную границу иткульской культуры отмечали изделия металлопластики, с одной стороны (южной) шихана также у подножья был найден медный идол, а с другой (северной) — круглая медная бляха — солярный знак. Граница сакрального пространства на Южном шихане маркировалась с одной стороны медным птицевидным идиолом, а с другой — таким же солярным знаком, но другого типа — это был крест, вписанный в круг. Центральными объектами Островка в болоте являлись своеобразный алтарь из вертикально поставленных плит и круг из каменных валунов. Обход острова по периметру неожиданно привел к открытию культового маркера. На самой границе с болотом упала береза, а под ее корнями был обнаружен развал сосуда без орнамента.

Возможно, такими же маркерами границы сакрального пространства являлись погребения и клады. Погребение на вершине горы на Урале известно только одно — на г. Шаманихе. Особенности его залегания автору неизвестны, поэтому о нем можно говорить только в предположительном плане.

То же можно сказать о кладах. Все клады на вершинах гор связаны с захоронением медных фигурок. К сожалению, все клады найдены местными жителями при случайных обстоятельствах, поэтому информация о них всегда неполная. Самый богатый и интересный клад обнаружен на г. Азов. Он находился под перевернутым камнем у края скалистого обрыва. В кладе было 40 медных (или бронзовых) изделий — наконечник копья, зеркало, фигурные бляхи, а также около 30 фигурок, изображающих всадника, антропоморфных и птицевидных идолов. На г. Малой завернутый в кожу и бересту клад был обнаружен под валуном. В состав клада входили два медных идола, семь наконечников копий, различные изделия из кремня, мрамора и других пород камня, фрагменты керамических сосудов. Еще один клад был найден в расщелине Адуйского камня. От него сохранились медные фигурки в виде антропоморфного и птицевидного идолов и обломок каменной булавы. Интересный клад происходит с вершины г. Караульной. Он содержал несколько десятков медных птицевидных идолов, круглую бляху и наконечники стрел. Круглая бляшка и семь медных птицевидных изображений найдены в гроте Сухореченском, расположенном на вершине горы. Кроме кладов на вершинах гор нередко находили отдельные антропоморфные и птицевидные фигурки [Викторова, 2004b, с. 159–162], семантическое назначение которых, видимо, идентично кладам.

Своеобразным типом скальных святилищ являются «писанные скалы». Все уральские писаницы расположены на береговых скалах рек, иногда озер. Территория их распространения охватывает Северный, Средний и Южный Урал на протяжении около 800 км. Крайние северные писаницы находятся на реках Колва и Вишера, крайние южные — на р. Белой. Большая часть писаниц сосредоточена в горно-лесной зоне на восточном склоне Среднего Урала на реках Тагил, Нейва, Реж, Исеть и на западном склоне Южного Урала на реках Ай и Юрюзань. На остальных реках и озерах писаницы встречаются единично. В настоящее время известно около 70 пунктов с древними рисунками [Чернецов, 1971].

Скалы с рисованными изображениями имеют разную высоту (от 6 до 80 м) и протяженность (от 10–15 до 200 м). Почти все рисунки нанесены на скальных плоскостях, обращенных к воде.

Они всегда выполнялись на вертикальных или с небольшим наклоном плоскостях. Большая часть рисунков хорошо просматривается от подножья скал. Все уральские писаницы нарисованы различными оттенками красного цвета. В последние годы удалось обнаружить единичные изображения, выполненные шлифовкой (р. Исеть) и гравировкой (р. Реж).

Под некоторыми писаницами обнаружены жертвенные площадки. К сожалению, раскопки проводились только в единичных случаях и очень фрагментарно. Однако даже небольшие раскопки дали возможность увидеть святилища, которые представляют собой совокупность скал с наскальными изображениями и жертвенных мест у подножья этих скал или на их вершинах.

В плане границ сакрального пространства интересно рассмотреть святилище с наскальными изображениями на оз. Большие Аллаки (Челябинская обл.). Группа скальных останцов высотой до 8 м располагается на берегу озера. На двух скалах нанесены различные изображения (в том числе антропоморфные существа с раздвоенной головой). Раскопки В.Я. Толмачева и В.Т. Петрина дали несколько сотен находок, почти половина которых представлена наконечниками стрел [Чернецов, 1971, с. 44–47; Петрин, 1986, с. 121–123]. С напольной стороны скал (южной и восточной) были обнаружены медное копье, медный птицевидный идол и захоронение двух человеческих черепов. По всей видимости, эти находки и являлись маркерами сакрального пространства. Но раскопки в лучшем случае охватывают площадь непосредственно под рисунками. Копать в десятках метров от скал с рисунками никому из археологов в голову не приходило. Поэтому остается надеяться на счастливую случайность.

На других территориях, где раскопки под скалами с рисунками проводились значительно шире, чем на Урале, результаты более существенны. В ряде случаев под писаницами обнаружены погребения: в Читинской обл. (Копчил, Усть-Цорон, Малый Улистай, Нортуй II), Забайкалье (Поворот п. III, Шаболинская), Якутии (Воробьевы писаницы). Также у скал с рисунками находят человеческие кости, которые могли являться культовыми маркерами. Такие находки неоднократно фиксировались в Забайкалье, Якутии, Приамурье [Ефремова, 2009, с. 132–134].

К нижнему миру у сибирского населения также относился мир воды. Вода считалась противоположностью структурированному миру людей. Именно поэтому вода соединяется с образом смерти как формой перехода из мира живых в мир мертвых. В данном случае символической границей между мирами являлась пограничная полоса между водой и сушей.

Многолетние (15 лет) исследования берегов Шайтанского озера не зафиксировали на окружающих его 20 памятниках ни одного жилищного комплекса, тогда как на 15 из них выявлены следы ритуальных действий. Это позволило предположить, что Шайтанское озеро в древности являлось священным [Сериков, 2013].

В этнографии многих народов озера воспринимались как места локализации водной стихии, хаотических сил нижнего мира. «Хозяин» или «Дух озера» символизировал одного из представителей хтонических существ, через которого поддерживались взаимосвязи между миром людей и силами нижнего мира. У хантов Приобья священными местами становились разнообразные водные элементы: реки, ручьи, заводи, водовороты, омуты, места слияния рек, перекаты, повороты. Но наиболее крупными и почитаемыми водными объектами, которые включались в сакральную практику местного населения, были озера и болота [Балалаева, с. 144–145]. Подобные святые озера существовали и у ненцев [Малолетко, 1985, с. 85–86]. Почитаемые священные озера зафиксированы этнографами на территории Татарстана и Кировской обл. [Шутова и др., 2009, с. 30–34].

Если акватория озер являлась сакральным пространством, то вполне объяснимыми становятся находки на дне озер (и торфяников) кладов бронзовых изделий, бронзового вооружения, целых сосудов, а также большого числа костей и тел человека [Сериков, 2015, с. 440–446].

В Нидамском болоте (Дания) было найдено около 100 целых железных мечей, до 500 копий, 30 топоров, 80 ножей, шлемы, украшения и т.п. Там же была обнаружена большая лодка, нагруженная мечами, копьями, топорами, ножами, украшениями и посудой [Леббок, 1876, с. 6–7].

В западно-европейских торфяниках, по данным М.Б. Медниковой, обнаружено около 1800 тел людей. Часть из них не имели головы, некоторым нанесены смертельные раны, некоторые удушены. Вполне вероятно, что данные находки представляют собой особые ритуальные жертвы. Думается, что и на уральских торфяниках не все человеческие кости следует интерпретировать как останки утопленников. По-видимому, в древности существовали и специальные ритуалы, связанные с жертвоприношением людей в воду [Медникова, 2001, с. 162].

Одной из известных подобных находок является тело человека, обнаруженное в торфянике Линдау-Мосс под Манчестером. Найденного человека называли Пит Марш. Он был убит сильны-

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

ми ударами в свод черепа. Затем в ритуальных целях из него выпустили всю кровь. Тело Пита Марша пролежало в болоте около 2500 лет [Хакенс, 1985, с. 17].

Возможно, жертвоприношением являлся и «клад» из 11 костяных мезолитических наконечников, найденный М.Г. Жилиным в болоте перед Второй Береговой стоянкой Горбуновского торфяника [Жилин, Савченко, 2010, с. 36].

На Кокшаровском торфянике М.Г. Жилиным в 8 м от берега найден жезл из рога с наметенной головой лося, который, возможно, намеренно был помещен в воду озера.

На дне оз. Увильды (окрестности г. Карабаша Челябинской обл.) челябинскими аквалангистами на расстоянии 30 м от берега на глубине 22–23 м в донном иле был найден целый глиняный сосуд с неолитическим орнаментом. Внутри его находились сосуд поменьше и деревянный ковш, выполненный в виде водоплавающей птицы [Юрин, 2006, с. 62–64].

На Шигирском торфянике (Новый Шигирский прииск) тоже известен ряд находок неупотребительного назначения. Это каменные пряслица, целые глиняные сосуды, деревянная ложка с вырезанной на рукояти головкой лося. Также на дне озера (в восточной части под слоем черного торфа на глубине 1,8 м) в 1907 г. обнаружили три человеческих черепа с нижними челюстями. Рядом с одним из черепов лежал костяной кинжал. Эти находки были настолько необычными, что уральские археологи допускают, что часть изделий была оставлена в водной акватории озера преднамеренно [Чаиркина и др., 2001, с. 126–127].

На Урале известны искусственно созданные культовые холмы. Среди них два холма — Кокшаровский и Усть-Вагильский достаточно широко исследованы раскопками [Шорин, 2010; Панина, 2008].

В центре Кокшаровского холма на глубине около 4 м был найден фигурный молот в виде головы бобра. По всей видимости, он маркировал центр сакрального пространства. К сожалению, раскопки 1960 г. проводились при помощи экскаватора, и что находилось рядом с наверхом, осталось неизвестным. По периметру холма был окружен двумя рвами, которые вполне обоснованно можно считать маркерами сакрального пространства.

Усть-Вагильский холм исследован в меньшей степени. Но и здесь имеются факты маркировки сакрального пространства. Одним из таких сакральных маркеров можно считать энеолитическое погребение, найденное у подошвы холма с юго-западной его стороны.

Аналогичными, но более сложными способами маркировалось сакральное пространство энеолитических святилищ лесостепного Зауралья — Савин-1 и Слободчики-1.

Савин-1 расположен в самой высокой части песчаной гривы. Сакральное пространство представлено двумя соединенными кольцевыми структурами, окруженными неглубокими рвами. На дне рвов были установлены свыше сотни столбов, которые также являлись маркерами сакрального пространства. В одном рву было найдено ярусное погребение из трех человек. Слободчики-1 также были обрамлены кольцевым рвом, в котором находилось погребение старой женщины [Потемкина, 2007, с. 199–207].

Культовая площадка бронзового века на Шайтанском озере маркировалась ритуальными кладами бронзовых изделий и погребениями, а ее границы отмечались вертикально закопанными бронзовыми предметами [Сериков, 2013, с. 171–176].

Абсолютно ясно, что в рамках сакрального пространства разные его участки имели различное сакральное наполнение и функциональное назначение, что фиксируется различными культовыми объектами и артефактами. Но в данной работе эти вопросы не рассматриваются.

Следует отметить некоторые аспекты сакрального пространства, обычно не являющиеся объектами исследования. Это табуирование сакрального пространства и его десакрализация.

На площадке под скалой Камня Дыроватого раскопками было получено свыше 4 тыс. наконечников стрел. Строго под пещерой в центральной части площадки у самой скалы зафиксирована единственная на площадке столбовая яма. Можно предположить, что в ней находился деревянный идол или столб, поскольку все наконечники острями были направлены к ямке. Никаких следов жертвенных костров и других находок кроме наконечников стрел и костей животных на площадке не обнаружено. Следовательно, люди на площадке не бывали. Иначе остались бы следы посещения в виде керамики, каменных и костяных изделий. Жертвы (стрелы и кости животных) приносились только издали путем выстрела из лука. Это позволяет предполагать, что посещение площадки под пещерой было запрещено, т.е. данное сакральное пространство было табуировано.

Многие древние святилища существовали в различные археологические эпохи. Часто периоды функционирования разделяли большие перерывы. Это означает, что в отдельные промежутки времени происходила десакрализация пространства: либо в результате появления нового (пришлого) населения, либо из-за изменений образа жизни местного населения. К сожалению, этими аспектами сакрализованного пространства практически никто не занимается.

Анализируя хронологические аспекты сакрализации пространства, можно отметить некоторые наблюдения. В эпоху палеолита сакрализованное пространство связано только с пещерными полостями. Единственный на настоящий момент культовый памятник эпохи палеолита под открытым небом — это хрустальный комплекс у основания шихана на оз. Большие Аллаки. Святилища эпохи мезолита на Урале представлены незначительными комплексами находок в пещерах и на шиханах. Единственным крупным мезолитическим святилищем является пещера в Камне Дыроватом. Незначительность культовых мезолитических комплексов можно попытаться объяснить двумя причинами: или они свидетельствуют о большой подвижности местного населения, т.е. представляют собой так называемые путевые святилища, или же мы еще не научились выделять культовые памятники мезолита из-за отсутствия на них предметов неупотребительного характера. В качестве примеров можно назвать мезолитические комплексы на Шайтанском озере I [Сериков, 2012] и памятник Вершина I в Палкино (окрестности г. Екатеринбург) [Викторова, Сериков, 2015].

Видимо, только с эпохи неолита наблюдается усложнение конструкции сакрального пространства и его более четкое структурирование. Что и просматривается на культовых памятниках этой и последующих эпох. Следует подчеркнуть, что культовые памятники разных археологических эпох исследованы на Урале неравноценно. Слабо изучены культовые памятники мезолита, неолита и бронзы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
- Байбурин А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 63–87.
- Балалаева О.Э.* Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999.
- Викторова В.Д.* Жертвенные места на горах и холмах // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004а. С. 174–191.
- Викторова В.Д.* Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004б. С. 169–171.
- Викторова В.Д., Сериков Ю.Б.* Микролитические комплексы на острове Каменные палатки (Среднее Зауралье) // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. Т. I: Материалы V Твер. археол. конф. и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 325–342.
- Готлиб А.И.* Феномен сибирских «све» // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. Вып. 3: Парадоксы археологии. С. 88–97.
- Григорьев С.А., Меньшенин Н.М.* Мегалитические сооружения острова Веры на озере Тургояк в Южном Зауралье // Известия Челяб. науч. центра. 2004. Вып. 1 (22). С. 209–213.
- Дмитриева Т.Н.* Пещера как целостность (к проблеме интерпретации палеолитической пещерной живописи) // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа: ПРИНТ, 1997. С. 58–61.
- Дюрягин В.С.* Святилище «Лысая гора» раннего железного века на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской обл. // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 46–71
- Ефремова Н.С.* Антропологические материалы на святилище Кучерла-1 (Куйлю): Проблемы интерпретации // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5: Археология и этнография. С. 132–137.
- Жилин М.Г., Савченко С.Н.* Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: Опыт и перспективы комплексного исследования // Тагил. вестник: Историко-культурное наследие родного края: Изучение, сохранение и популяризация: Ист.-краевед. альманах. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2010. Вып. 6. С. 30–42.
- Котов В.Г.* Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): Структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Междунар. науч. симп. Уфа, 2016. С. 41–63.
- Кызласов И.Л.* Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.: Наука, 1988. С. 145–166.
- Леббок Дж.* Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. М., 1876. 500 с.

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

- Малахов М.В.* Доисторические времена на Уральских горах // ЗУОЛЕ. Т. XXVII. 1908. С. 3–50.
- Малолетко А.М.* Культурная лексика в гидронимике Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тез. докл. Томск, 1985. С. 85–87.
- Медникова М.Б.* Трепанация у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 314 с.
- Мищенко О.П.* География, топография и хронология культовых мест на вершинах гор в Среднем Зауралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. Вып. I. С. 73–77.
- Панина С.Н.* Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // ВАУ. 2008. Вып. 25. С. 137–146.
- Петрин В.Т.* Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 99–132.
- Потемкина Т.М.* Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 197–223.
- Сериков Ю.Б.* Символическая граница между мирами по данным археологии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2005. С. 329–332.
- Сериков Ю.Б.* Об использовании уральских пещер в древности: (К вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) // Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф. Тюмень, 2007а. Вып. 3. С. 128–132.
- Сериков Ю.Б.* Становление ритуально-культурной практики у палеолитического населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2007б. Вып. 1. С. 7–24.
- Сериков Ю.Б.* Сакральное в обыденном (по материалам культовых памятников Среднего Зауралья) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 302–306.
- Сериков Ю.Б.* Мезолитические комплексы Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М: ИА РАН., 2012. С. 383–400.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро — священное озеро древности. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральном использовании акватории озер и рек // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10. Т. I: Материалы V Твер. археол. конф. и 16-го и 17-го заседаний науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 440–446.
- Тиваненко А.В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 202 с.
- Усачева И.В.* Чепкуль 21А — ритуальный комплекс? // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф. Тюмень, 2009. С. 106–108.
- Хакенс Т.* Тайны, раскрытые наукой // Курьер ЮНЕСКО. № 8. 1985. С. 17.
- Чауркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С.* Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 196 с.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В4-12(2). 118 с.
- Шорин А.Ф.* Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: Маркеры сакрального пространства // УИВ. 2010. № 1 (26). С. 32–42.
- Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И.* Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2009. 244 с.
- Щелинский В.Е.* Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): Настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы междунар. науч. симп. Уфа, 2016. С. 4–40.
- Юрин В.И.* Неолитическое местонахождение Красный Камень. Челябинск // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2006. С. 62–64.

Yu.B. Serikov

Russian State Professional Pedagogical University (Nizhniy Tagil Branch)
Krasnogvardeyskaya st., 57. Nizhniy Tagil, 622031, Russian Federation
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

SOME ASPECTS OF SACRAL SPACE MARKERING IN THE URAL TERRITORY

The article analyses different aspects of organization of space as its sacred points — sacred places. Ancient sanctuaries were situated exactly in those marked points: caves, grottos, awnings, mountain peaks, rocks, hills, bald mountains, stone capes, etc. There could be one or several sacral centers in each sacred space depending on its dimensions. A cave was the earliest object of sacred place. There were two basic types of cave sanctuaries in the Paleolithic era: caves with painting and caves where demonstration complexes in form of animal skulls formed the central part of the cult complex. Veneration of mountains, rocks, hills, bald mountains, tall capes origi-

nated in the Stone Age among the population of the Urals and Siberia as well. Interments and hoards were often used as markers of the sacral space border. Sometimes special elements of the landscape — rocks — were marked with images. Separate water objects — lakes and bogs — were also included into the sacral practice of the local population. This is proved by such findings as ancient hoards, bronze and bone weapons, whole vessels and also large number of human bones and bodies at the bottom of lakes and peat lands. A sacral space of sanctuaries or settlements was sometimes sanctified with ocher or scattering of calcified human bones. The research of ancient sanctuaries shows that we may expect the most unordinary, unexpected and informative findings exactly at the border of a sacral space.

Key words: the Urals, sacral space, caves, mountains, cult markers, symbolic border.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-036-045

REFERENCES

- Baiburin A.K., 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniakh vostochnykh slavian* [A dwelling in rites and ideas of the Eastern Slavs], Leningrad: Nauka, 188 p.
- Baiburin A.K., 1989. Semioticheskie aspekty funktsionirovaniia veshchei [Semiotic aspects of things]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury*, Leningrad: Nauka, pp. 63–87.
- Balalaeva O.E., 1999. Sviashchennye mesta khantov Srednei i Nizhnei Obi [Sacred places of the Khanty of the Middle and Lower Ob River]. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: (Materialy k atlasu)*, Ekaterinburg: Tezis.
- Chairkina N.M., Savchenko S.N., Serikovlu. B., Litviak A.S., 2001. *Arkheologicheskie pamiatniki Shigirskogo torfianika* [Archeological sites of Shigirskiy peat-bog], Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 196 p.
- Chernetsov V.N., 1971. Naskal'nye izobrazheniia Urala [Rock paintings of the Urals]. *SAI*, V4-12 (2), 118 p.
- Gotlib A.I., 2004. Fenomen sibirskikh «sve» [Phenomenon of Siberian «sve»]. *Evraziia: Kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii*, 3: Paradoksty arkheologii. Novosibirsk: Izd-vo NGU, pp. 88–97.
- Grigor'ev S.A., Men'shenin N.M., 2004. Megaliticheskie sooruzheniia ostrova Vera na ozere Turgoiak v luzhnom Zaural'e [Megalithic structures of the Vera island on the Turoyak lake in the Southern Transurals]. *Izvestiia Cheliabinskogo nauchnogo tsentra*, 1 (22), pp. 209–213.
- Dmitrieva T.N., 1997. Peshchera kak tselostnost': (K probleme interpretatsii paleoliticheskoi peshchernoii zhivopisi) [A cave as integrity (on the problem of interpretation of Paleolithic cave paintings)]. *Peshchernyi paleolit Urala: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Ufa, pp. 58–61.
- Diuriagin V.S., 2009. Sviatilishche «Lysaia gora» rannego zheleznogo veka na oz. Bol'shoi Terenkul' v Chebarkul'skom raione Cheliabinskoi obl. [The sanctuary of «Lysaya gora» of the Early Iron Age on the Bolshoy Terenkul Lake in Chebarkul area of Cheljabinsk region]. *Problemy arkheologicheskogo izucheniia luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: ABRIS, pp. 46–71.
- Efremova N.S., 2009. Antropologicheskie materialy na sviatilishche Kucherla-1 (Kujilu): Problemy interpretatsii [Anthropological materials at the sanctuary of Kucherla-1 (Kujilu): Problems of interpretation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya Istoriia, filologiya, vol. 8, 5: Arkheologiya i étnografiia, pp. 132–137.
- Iurin V.I., 2006. Neoliticheskoe mestonakhozhdenie Krasnyi Kamen'. Cheliabinsk [The Neolithic site of Krasnij Kamen. Cheljabinsk]. *Piatye Bersovskie chteniia*, Ekaterinburg: KVADRAT, pp. 62–64.
- Khakens T., 1985. Tainy, raskrytye naukoj [Secrets revealed by science]. *Kur'er UNESCO*, no. 8, p. 17.
- Kotov V.G., 2016. Peshchernoe sviatilishche Shul'gan-Tash (Kapovaia): Struktura, sledy ritualov, semantika izobrazhenii [The cave sanctuary of Shulgan-Tash (Kapova): structure, traces of rituals, semantics of images]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa, pp. 4–40.
- Kyzlasov I.L., 1988. Rannie formy osoznannogo vozdeistviia cheloveka na prirodnye sily [Early forms of human conscious impact on natural forces]. *Arkheologicheskie istochniki ob obshchestvennykh otnosheniakh épokhi srednevekov'ia*, Moscow: Nauka, pp. 145–166.
- Lubbock J., 1876. *Doistoricheskie vremena ili pervobytnaia épokha chelovechestva, predstavlenaia na osnovanii izucheniia ostatkov drevnosti i nraovov i obychaev sovremennykh dikarej* [Prehistorical times or human primitive age presented on the base of a study of ancient remnants and manners and customs of modern savages]. Moscow, 500 p.
- Malakhov M.V., 1908. Doistoricheskie vremena na Ural'skikh gorakh [Prehistorical times on the Ural Mountains]. *Zapiski UOLE*, vol. XXVII, pp. 3–50.
- Maloletko A.M., 1985. Kul'tovaia leksika v gidronimike Zapadnoi Sibiri [Cult vocabulary in hydronymics of Western Siberia]. *Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i étnograficheskim dannym: Tezisy dokladov*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 85–87.
- Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsiia u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanation among ancient peoples of Eurasia], Moscow: Nauchnyi mir, 314 p.
- Mishchenko O.P., 2001. Geografiia, topografiia i khronologiya kul'tovykh mest na vershinakh gor v Srednem Zaural'e [Geography, topography and chronology of cult places on the tops of mountains in the Middle Transurals]. *Arkheologiya i étnografiia Srednego Priural'ia*, 1, Berezniki: Izdatel'skii dom Tipografiia kuptsa Tarasova, pp. 73–77.

Некоторые аспекты оформления сакрального пространства на территории Урала

- Panina S.N., 2008. Arkheologicheskie issledovaniia na Ust'-Vagil'skom kholme (2005–2006 gg.) [Archeological researches on the Ust-Vagil'sky hill (2005–2006 rr.)]. *Voprosy arkheologii Urala*, 25, pp. 137–146.
- Petrin V.T., 1986. Novye naskal'nye izobrazheniia Urala [New rock paintings of the Urals]. *Problemy arkheologii Severnoi i Vostochnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, pp. 99–132.
- Potemkina T.M., 2007. Drevnie sviatilishcha kak istochnik issledovaniia mirovozzrencheskikh traditsii (po materialam Ob'-Irtys'h'ia) [Ancient sanctuaries as a source for researches of world outlook traditions (based on materials of the Ob-Irtish interfluve)]. *Mif, obriad i ritual'nyi predmet v drevnosti*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 197–223.
- Serikov Iu.B., 2005. Simvolicheskaia granitsa mezhdu mirami po dannym arkheologii [A symbolic border between worlds based on archeological data]. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-étnograficheskoi konferentsii*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 329–332.
- Serikov Iu.B., 2007. Stanovlenie ritual'no-kul'tovoi praktiki u paleoliticheskogo naseleniia Urala [Formation of ritual and cultural practice by the Paleolithic population of the Urals]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, 1, Barnaul: Azbuka, pp. 7–24.
- Serikov Iu.B., 2007a. Ob ispol'zovanii ural'skikh peshcher v drevnosti: (K voprosu o sootnoshenii proizvodstvenno-bytovykh i kul'tovykh kompleksov) [About the use of Ural caves in ancient time (about the issue of correlation between industrial and household and cultic complexes)]. *Ékologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Doklady konferentsii*, 3. Tiumen', pp. 128–132.
- Serikov Iu.B., 2008. Sakral'noe v obydenom (po materialam kul'tovykh pamiatnikov Srednego Zaural'ia) [The sacral in the mundane (based on materials of cult sites of the Middle Transurals)]. *Vremia i kul'tura v arkheologo-étnograficheskikh issledovaniakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Problemy interpretatsii i rekonstruktsii: Materialy Zapadno-Sibirskoi arkheologo-étnograficheskoi konferentsii*, Tomsk, pp. 302–306.
- Serikov Iu.B., 2012. Mezoliticheskie komplekсы Shaitanskogo ozera (Srednee Zaural'e) [Mesolithic complexes of the Shaitanskoje lake (Middle Transurals)]. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiiu A.N Sorokina*, Moscow: IA RAN., pp. 383–400.
- Serikov Iu.B., 2013. *Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti* [Shaitanskoye lake, a sacred lake of the ancient time], Nizhnii Tagil: NTGSPA, 408 p.
- Serikov Iu.B., 2015. K voprosu o sakral'nom ispol'zovanii akvatorii ozer i rek [About the issue of sacral use of rivers and lakes water areas]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik: Materialy V Tverskoi arkheologicheskoi konferentsii i 16-go i 17-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminara «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti»*, 10, vol. I, Tver': Triada. pp. 440–446.
- Tivanenko A.V., 1989. *Drevnie sviatilishcha Vostochnoi Sibiri v épokhu kamnia i bronzy* [Ancient sanctuaries of Eastern Siberia in the Stone and Bronze Ages], Novosibirsk: Nauka, 202 p.
- Shorin A.F., 2010. Sviatilishche Koksharovskii kholm v Srednem Zaural'e: markery sakral'nogo prostranstva [The sanctuary of Koksharovskiy hill in the Middle Transurals: Markers of sacred space]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (26), pp. 32–42.
- Shutova N.I., Kapitonov V.I., Kirillova L.E., Ostanina T.I., 2009. *Istoriko-kul'turnyi landschaft Kamsko-Viatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of Kama-Viatka region], Izhevsk: UIIIAL UrO RAN, 244 p.
- Shchelinskii V.E., 2016. Paleoliticheskoe sviatilishche v peshchere Shul'gan-Tash/Kapovoi (Bashkortostan): Nastennye risunki i arkheologicheskie svidetel'stva [A Paleolithic sanctuary in the Shulgan-Tash/Kapova cave (Bashkortostan): Cave art and archeological evidence]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa, pp. 4–40.
- Usacheva I.V., 2009. Chepkul' 21A – ritual'nyi kompleks? [Is Chepcul 21A a ritual complex?]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ékologiya: Materialy Vserossiiskoi konferentsii*, Tiumen': IPOS SO RAN, pp. 106–108.
- Viktorova V.D., 2004a. Zhertvennye mesta na gorakh i kholmakh [Sacrificial places on the mountains and hills]. *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 174–191.
- Viktorova V.D., 2004b. Klady na vershinakh gor [Hoards on the maountain tops]. *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 169–171.
- Viktorova V.D., Serikov Iu.B., 2015. Mikroliticheskie komplekсы na ostrove Kamennye palatki (Srednee Zaural'e) [Microlithic complexes on the island of Kamennye Palatki (Middle Transurals)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik: Materialy V Tverskoi arkheologicheskoi konferentsii i 16-go i 17-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminara «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti»*, 10, vol. I, Tver', pp. 325–342.
- Zhilin M.G., Savchenko S.N., 2010. Torfianikovye pamiatniki mezolita i rannego neolita Zaural'ia: Opyt i perspektivy kompleksnogo issledovaniia [Peat sites of the Mesolithic and Early Neolithic in the Transurals: An attempt and perspectives of complex researches]. *Tagil'skii vestnik: Istoriko-kul'turnoe nasledie rodnogo kraia: Izuchenie, sokhranenie i populiarizatsiia: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh*, 6, Nizhnii Tagil: NTGSPA, pp. 30–42.